

DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2\(3\)-119-125](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2(3)-119-125)

АРЕНЫ, РИТУАЛЫ И РЕЖИМЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ГОРОДСКОЙ ПОЛИТИКИ)

Ю. А. Пустовойт

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Новосибирск, Россия
pustovoi1963@gmail.com

Аннотация. В работе предложены теоретико-методологические принципы, концептуальный аппарат и обоснование перспектив эмпирического анализа данных для проведения исследования, направленного на изучение политических факторов, лежащих в основе городского развития. Опираясь на теорию городских режимов К. Стоуна и теорию интерактивных ритуалов Р. Коллинза, автор предлагает использовать набор взаимосвязанных концептов «арены», «интерактивного ритуала», «мобилизационной повестки», «эмоциональной энергии», «городского режима», «городской идеологии» для объяснения высоких показателей городского благополучия в одних городах и его падения в других. Предложен набор факторов, влияющих на основные характеристики режима и коммуникативных практик как внутри элиты, так и между элитой и горожанами, основанных на разных типах властных отношений (коллективной или дистрибутивной власти), что в свою очередь в различных объёмах ограничивает число участников и тем для обсуждения при принятии решений. Для проверки гипотезы предложены контуры эмпирического исследования методом сравнения контрастных случаев и приведено обоснование выбора диаметрально противоположных кейсов сибирских городов – Новосибирска и Новокузнецка. Эти города в конце 1980-х годов имели близкие шансы на рост, развитие и состоятельность в экономическом, политическом и культурном аспекте, но происшедшие здесь политические процессы привели к различным траекториям становления властных групп и режимов по моделям «координации» и «контроля».

Ключевые слова: арена, интерактивный ритуал, городской режим, мобилизационная повестка, эмоциональная энергия, координация, контроль.

Для цитирования:

Пустовойт Ю. А. Арены, ритуалы и режимы в современном городе (теоретико-методологические основания анализа городской политики) // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города.* 2022. № 2 (3). С. 119–125.

DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2\(3\)-119-125](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2(3)-119-125)

For citation:

Pustovoi Yu. A. Arenas, rituals, and regimes in the modern city (theoretical and methodological foundations of the analysis of urban politics). *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City.* 2022. 2 (3). P. 119–125.

DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2\(3\)-119-125](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-2(3)-119-125)

ARENAS, RITUALS, AND REGIMES IN THE MODERN CITY (THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE ANALYSIS OF URBAN POLITICS)

Yuri Pustovoit

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
Siberian Institute of Management – branch of The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia
pustovoit1963@gmail.com

Abstract. The paper proposes theoretical and methodological principles, conceptual apparatus and substantiation of the prospects of empirical data analysis for the research of the political factors underlying urban development. Based on the theory of urban regimes (C. Stone) and the theory of interactive rituals (R. Collins), the author proposes to use a set of interrelated concepts of “arena”, “interactive ritual”, “mobilization agenda”, “emotional energy”, “urban regime”, “urban ideology” to explain high rates of urban well-being in some cities and its decline in other cities. It is shown that a set of factors influence the main characteristics of the regime and communicative practices both within the elite and between the elite and the citizens, based on different types of power relations (collective or distributive power), which subsequently in various degrees limits the number of participants and topics for discussion in a process of making decision. To test the hypothesis, the article proposes the empirical comparison on the ground of contrasting cases method, and provides the substantiation of choosing diametrically opposed cases of Siberian cities (Novosibirsk and Novokuznetsk). In the late 80s, cities had little chance for growth, development and viability of economy, politics and culture, but the political processes had led to different trajectories of power groups and regimes formation, according to the models of “coordination” and “control”.

Keywords: arena, interactive ritual, urban regime, mobilization agenda, emotional energy, coordination, control.

Почему одни города притягивают людей, а другие – нет? Какую роль в этом играют сложившиеся в городе традиции власти и управления? От чего зависит успешное проведение политической кампании в городе?

Начнём с тривиального наблюдения, подтверждаемого статистикой: в одни города люди приезжают, из других бегут. Согласимся, что благополучный город даёт человеку шанс на богатую, умную, экологичную, здоровую и счастливую жизнь [см.: Глейзер 2015]; «умный город» действует как магнит для творческих людей и работников [Щербинин, Подрезов 2020, 16]. Показатели, фиксируемые Росстатом (прежде всего, миграционный прирост, ожидаемая продолжительность жизни, темпы роста объёмов отгруженных товаров, бюджетная обеспеченность на одного жителя), рыночные показатели (стоимость квадратного метра жилья) и вторичный анализ данных, сфокусированных вокруг темы исследований благополучности, дают нам возможность достаточно точно определить место города в рамках континуума «благополучность – не-благополучность».

Какие различия в политической жизни есть в этих городах, вследствие чего они возникают и насколько они значимы и влияют на уровень жизни, планы и настроения горожан? Наша рабочая гипотеза заключается в том, что отсутствие или минимизация барьеров на политическое участие в территориальной и виртуальной среде ведёт к формированию взаимных обязательств между элитарными и не-элитными группами, что обуславливает становление *режима координации*, основанного на ритуалах солидарности и коллективной власти, E-власти (понятие, предложенное Р. Коллинзом), что в конечном итоге обеспечивает благополучие города и отличает его от *режима контроля*, где отношения складываются по модели дистрибутивной власти (D-власть).

Источником вдохновения, текстами, на основе которых сформулированы основные принципы исследования, его категориальный аппарат и переменные, были книги К. Стоуна [Stone 2015], Р. Коллинза [Коллинз 2004 а; Коллинз 2004 б; Collins 2004], В. Ледяева [Ледяев 2012], Н. Розова [Розов 2011], В. Вахштайна [Вахштайн 2022], работы о современном университетском городе [Щербинин, Подрезов 2020]. Основными концептами для нас выступают понятия городского благополучия, официальной, символической и уличной арены (места и нормы взаимодействия), интерактивного ритуала (составляющие и результаты взаимодействия), городского режима (договорённости элиты по поводу взаимодействия), городской (ландшафтной, социальной и «хипстерской») идеологии (значимые для элиты и населения приоритеты взаимодействия).

1. Для описания и реконструкции политического взаимодействия в городской среде мы предлагаем ввести понятие «*арена*», понимая под ней сферу деятельности, имеющую материальные и нормативные границы, в которых происходит процесс социального конструирования значимых проблем. Претендующие на внимание аудитории индивидуальные и групповые акторы стремятся к тому, чтобы их интерпретация ситуации доминировала в реальном и символическом пространстве взаимодействия, что даёт им возможность для получения на этом основании дополнительных благ и ресурсов.

2. Через понятие «*интерактивного ритуала*» мы будем описывать порядок и результат взаимодействия. Интерактивные ритуалы выступают преобразователями эмоций, в ходе них одни эмоции, взятые в качестве ингредиентов, превращаются в другие эмоции в качестве результатов, и социальная структура рассматривается как непрерывная цепь взаимодействий, в ходе которой происходит разделение людей по их эмоциональной энергии. Политика в этой оптике представляет собой цепи ситуаций, делающих одних лидерами в силу умения произвести сильное впечатление, других – ведомыми или угнетаемыми. Индивиды ищут эмоциональную энергию и символы, которые дают наибольшие возможности для её получения, выбирая для этого различные социальные сети. Люди стремятся к власти как к особому виду ситуационного взаимодействия, где их ограниченная часть получает эмоциональную энергию (ЭЭ) [Collins 2004, 373]. Работа Р. Коллинза содержит три эвристически значимых для нашего исследования сюжета:

(1) ритуалы власти, (2) стратификация эмоциональной энергии и её измерение и (3) D-власть и E-власть (D-Power and E-Power) [Collins 2004, 112–115, 129–141, 284–288]. «Ритуалы власти, – пишет Р. Коллинз, – являются асимметричным вариантом Дюркгеймовских ритуалов взаимодействия. Эмоции, которые возникают, сдерживаются; существует тон уважительного соглашательства с тем, чего требует отдающий приказ. <...> Когда ритуал власти не совпадает с ритуалом статуса, человек, осуществляющий власть, обычно не испытывает большого выигрыша в ЭЭ, но, во всяком случае, это удерживает обладателя власти от потери ЭЭ. Однако лица, отдающие приказы, обычно теряют ЭЭ, особенно в тех случаях, когда ритуал власти не приводит к ритуалу солидарности» [Collins 2004, 114–115].

Коллинз предлагает различать D-власть, основанную на навязывании своей воли, и E-власть – власть эффективности, предполагающую игру с ненулевой суммой и осмысленный социальный опыт, формирующий культуру личных отношений. В первом случае будут наблюдаться резкие различия в социальной идентичности, большее неравенство, обиды и социальный конфликт. E-власть усиливается в XX веке, что подразумевает приоритет методов долгосрочного планирования и косвенного контроля за счёт включения управляемых в процесс управления. В этом случае власть больше не приказание, а создание символов солидарности. Коллинз, вслед за И. Гофманом, считает, что осуществление власти означает контроль над политическим фреймом – той рамкой, в которых разворачивается публичный дискурс: сосредоточение на одном аспекте проблемы вытесняет другие в сферу само собой разумеющегося [Коллинз 2004 б, 488]. Ритуалы – механизм формирования и подкрепления габитусов, содержащих соответствующие наборы фреймов, символов, идентичностей и поведенческих установок [Розов 2011, 42–45].

3. Интерактивное взаимодействие приводит к властной дифференциации групп, обладающих различными возможностями навязывания своей воли, что в оптике элитарского подхода обычно обозначается как разделение на управляющих (элиту) и управляемых (массы). Учтём, что в каждой из этих групп имеются свои арены, происходят интерактивные ритуальные взаимодействия, складывающиеся по модели D-власти и E-власти. Традиции изучения этих групп в мировой и российской науке, их конфигурации, ресурсы и комплекс гипотез, объясняющих причины их образования и доминирования, детально рассмотрены в монографии В. Ледяева. Взятая нами концепция интерактивных ритуалов вполне согласуется с одним из наиболее перспективных сегодня направлений при анализе городской политики – теорией городских режимов, предложенной Кл. Стоуном [Stone 2015]. Городские режимы представляют собой «совокупности договорённостей или отношений (неформальных и формальных), с помощью которых достигается управление общностью» [Ледяев 2012, 74].

Одним из наиболее значимых событий, разворачивающихся на всех трёх аренах, сегодня являются выборы в органы власти и их главный компонент – мобилизационная повестка (фокус внимания участников взаимодействия). Именно мобилизационная повестка служит связующим звеном между элитарными группами,

выдвигающими кандидатуры для легализации своего статуса и реализации экономических (идеологических) интересов, и горожанами (электоратом), стремящимися в этой процедуре принять участие в той степени, в которой она в наибольшей мере способствует росту или сохранению эмоциональной энергии. В одних случаях можно наблюдать высокую конкуренцию между кандидатами и честный подсчёт голосов, что говорит о том, что элита стремится выстраивать свои отношения с электоратом по модели E-власти, делая основной упор на усиление солидарности горожан и рост эмоциональной энергии, в другом – отсутствие конкуренции и фальсификацию результатов избирательного процесса, что соответствует модели D-власти и уменьшению эмоциональной энергии. В первом случае эти устойчивые властные отношения мы назовём *режимом координации*, во втором – *режимом контроля*, делая акцент на том, что при координации в фокусе внимания находится проблема, требующая решения и организации общих усилий, во втором – сохранение и закрепление статусных позиций.

4. Какие типы проблем характерны именно для городов? В. Вахштайн предлагает три типа таких (урбанистических) историй, основанных на базовых метафорах: город как машина развития (нарратив высокого урбанизма и экономического роста, инвестиции в небоскребы, дороги и мосты), «левый урбанизм» (город против отчуждения и за поддержание социальных связей, инвестиции в доступное жильё, социальные объекты и общественный транспорт) и хипстерский урбанизм (город – это машина представления и сцена, всё для разнообразного получения впечатлений и удовольствия от жизни, инвестиции в парки и велодорожки) [Вахштайн 2022, 485–490].

На первом этапе исследования мы предлагаем методом логического анализа причинных связей взять два контрастных случая сибирских городов, представляющих собой полные противоположности: Новосибирск и Новокузнецк. Первый – областной центр с растущим населением (более полутора миллионов человек), с дифференцированной экономикой, крупным научным центром и одним из лучших в стране университетов, один из самых благополучных в Сибири городов с городским режимом, который в предложенной нами типологии соответствует критериям режима координации. Второй – крупный город, не имеющий статуса региональной столицы, центр добычи угля и металлургии, входит по некоторым показателям (чаще всего экологическим) в число наиболее проблемных городов России. В политическом плане Новокузнецк можно отнести к полюсу режима контроля.

Между тем, если вернуться в конец 1980-х и начало 1990-х годов, то центр общественной жизни, демократические надежды и экономическое благополучие было больше связано с Югом Кузбасса. В обоих городах был достаточно квалифицированный городской менеджмент, для обоих характерна долгая послесоветская история позитивного управления одним главой и развитое строительство. В 90-е годы при формировании городских режимов были заданы две противоположные тенденции доступа участников к официальной арене: в одном случае барьеры бы-

ли минимальные (Новосибирск), в другом – высокие (Новокузнецк), что в конечном счёте и стало условием формирования властных коалиций «координации» в первом случае и «контроля» во втором.

Режимы контроля уменьшают число участников важных интерактивных ритуалов и делают их неэффективными в институциональном, символическом и уличном пространстве. Итогом этого выступает падение уровня эмоциональной энергии, снижение объёмов культурного капитала, отсутствие общей идентичности и отток горожан в более благополучные регионы. Эту гипотезу и предстоит проверить на эмпирическом материале.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вахштайн 2022 – Вахштайн В. С. Воображая город: введение в теорию концептуализации. Москва, 2022.
- Глейзер 2015 – Глейзер Э. Триумф города: как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее / Пер. с англ. И. Кушнарёвой. Москва, 2015.
- Коллинз 2004 а – Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции / Пер. с англ. А. М. Хохловой // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 1. С. 27–39.
- Коллинз 2004 б – Коллинз Р. Социологическая интуиция: Введение в неочевидную социологию / Пер. с англ. В. Ф. Анурина. Москва, 2004.
- Ледяев 2012 – Ледяев В. Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. Москва, 2012.
- Розов 2011 – Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. Москва, 2011.
- Щербинин, Подрезов 2020 – Университетский город: политическая реальность новой эпохи / Под ред. А. И. Щербинина, М. В. Подрезова. Томск, 2020.
- Collins 2004 – Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton (NJ), 2004.
- Stone 2015 – Stone C. N. *Reflections on Regime Politics: From Governing Coalition to Urban Political Order*. *Urban Affairs Review*. 2015. Vol. 51. 1. Pp. 101–137.

REFERENCES

- Collins 2004 – Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton (NJ), 2004.
- Collins 2004 a – Collins R. *The Program of Interaction Theory Ritual*. Transl. into Russian by A. Khokhlova. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2004. 1. Pp. 27–39.
- Collins 2004 b – Collins R. *Sociological Insight: An Introduction to Non-Obvious Sociology*. Transl. into Russian by V. Anurin. Moscow, 2004.
- Glaeser 2015 – Glaeser E. *Triumph of the City. How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier*. Transl. into Russian by I. Kushnareva. Moscow, 2015.

- Ledyaev 2012 – Ledyaev V. G. *Sociology of Power. Theory and Experience of Empirical Study of Power in Urban Communities*. Moscow, 2012. In Russian.
- Rozov 2011 – Rozov N. S. *The Rut and the Pass: The Macrosociological Foundations Of Russia's Strategies in the 21st Century*. Moscow, 2011. In Russian.
- Stone 2015 – Stone C. N. *Reflections on Regime Politics: From Governing Coalition to Urban Political Order*. *Urban Affairs Review*. 2015. Vol. 51. 1. Pp. 101–137.
- Shcherbinin, Podrezov 2020 – *University City: The Political Reality of a New Era*. Ed. by A. I. Shcherbinin, M. V. Podrezov. Tomsk, 2020.
- Vakhshayn 2022 – Vakhshayn V. S. *Imagining the City: An Introduction to Conceptualization Theory*. Moscow, 2022. In Russian.

Материал поступил в редакцию 19.07.2022
принят к публикации 30.08.2022